

Николай Гуданец

Охота на охотника

повесть

Необходимое уведомление. Пользуясь отдельными известными ему сведениями, автор вовсе не претендовал на исчерпывающую документальную точность.

1.

Больше всего на свете я не люблю телефонные звонки. Маленькая фиолетовая “Лана” лежит на тахте и мелодично трезвонит. У нее не такой мерзкий звонок, как у ее предшественника. Тот вообще имел стальные чашечки вместо латунных, за что наконец был проклят, заменен и безжалостно спроважен в мусоропровод.

Я беру трубку.

-- Здравствуй, -- говорит Алина.

-- Здравствуй, -- отвечаю я. -- Что случилось?

-- А как ты узнал?

-- По голосу.

Мог бы добавить, что она вопреки обыкновению не назвала меня мистером Бондом, следовательно, ей не до шуток.

Помявшись, Алина выпаливает:

-- Послушай, ты мне очень нужен. Ты можешь приехать сейчас?

-- Да.

Засим должен последовать обмен банальностями: “такчтожеслучилось -- этонетелефонныйразговор”. Но я по мере сил избегаю банальностей и Алина, кажется, это ценит.

-- Хорошо, -- я непроизвольно киваю. -- Буду через двадцать пять минут.

Она благодарит и кладет трубку.

Спрашивается, почему я терпеть не могу телефонные звонки. Потому что, если беру трубку, а я обязан ее снимать, то уже ни в чем не могу быть уверен. Ни в том, как меня зовут и какой у меня адрес, ни в том, какой из городов страны я осчастливорю своим срочным прибытием. Глухой басовитый голос назовет несколько цифр, и вот уже я лечу в Хабаровск, Мурманск, Одессу, к дьяволу на рога и к черту в пасть.

Развалившись в самолетном кресле, прикрыв глаза, я заучиваю свою новую фамилию, адрес, номер телефона. Все мои фамилии просты и непритязательны, вроде Семина, Славина, Попова или Борисова. Одет я добротнo и неброско, у меня обыкновенное лицо без особых примет и среднее телосложение. Нет во мне ничего, за что можно зацепиться взглядом, выделить среди толпы, наvertеть подробный словесный портрет. Такая вот гладкая ординарность, словно у автоматной пули. Интересно, что чувствует пуля, когда палец нажимает на спуск? Примерно то же самое, что чувствую я, когда звонит телефон.

Но на сей раз позвонила Алина.

Одевшись, я выхожу, заученным движением прижимаю к косяку контрольный волосок и захопываю дверь. Постороннему наблюдателю вряд ли удастся заметить, как я ставлю контроль. Меня хорошо обучали. Запираю оба замка, спускаюсь на лифте, сажусь в свою “Самару”. И машина у меня незатейливая, бежевая “восьмерка”, такая

сыщется на любой улице. Тоже совершенно заурядная, если не считать мотора, конечно.

Обычно я прогреваю движок прежде, чем ехать. Но на сей раз не вытерпел и тронулся, едва стрелка термометра зашевелилась. Мысленно делаю себе выговор и тут же посылаю сам себя подальше.

В принципе мне не полагается иметь нервы. Такая работа. Можете стрелять у меня над ухом, не сморгну. Дважды в день по полчаса я занимаюсь медитацией. Свинчиваю себя в стальной безмозглый кулак, потом разгибаю себя по пальчику, потом размазываю себя, словно овсянку по тарелке, в космической беспредельности. И так семь раз, по принципу контрастного душа. Квинтэссенция древневосточных премудростей, обработанная штатскими гуру специально для нашего брата. Надо сказать, помогает здорово. Я давно забыл, что такое страх, мандраж, растерянность и прочие внеслужебные чувства. Но вот позвонила Алина, и я разволновался, как сопливый щенок, словно первогодок перед собеседованием. Ну и наплевать.

Проезжаю Деглавский мост, движение среднее, сворачиваю направо, на Таллинас, постоянно фиксирую задний вид. За мной никого.

Накрапывает дождик, асфальт мокрый, и вода под колесами шкворчит, как масло на сковородке. Стекло запотеваает, приходится протирать на ходу.

Я думаю об Алине. Собственно, это не мысли, а разновдность наваждения. Вкус ее рта, запах, отвердевший сосок, шелковистая влажность на кончике пальца. Прилив желания, пока приглушенный, однако явственный. Мигает желтый сигнал светофора, я торможу, пропускаю трамвай, идущий по Миера.

Мы познакомились, словно в дешевом кинобоевике.

В тот вечер я работал. Со стороны посмотреть -- ничего особенного, слоняется по улицам зевака, время от времени заходит в подворотню, видимо, ищет квартиру, а адрес забыл и дом помнит нечетко. В Ленинграде, к примеру, меня бы уже раз десять спросили, чего я ищу и не надо ли помочь. Здесь, в Риге, такие расспросы редкость, но оно и к лучшему.

Накануне утром, в контрольное время, мне позвонил Командор. Мы обменялись незначительными фразами о здоровье и погоде. Потом он спросил, правда ли Алик переехал со Стрелниеку на Виля Лача, я подтвердил, что так оно и есть.

-- Ладно, звони, не забывай, -- буркнул Командор и повесил трубку.

Весь разговор занял три минуты и означал приказ срочно проработать квадрат меж двух указанных улиц, причем как можно тщательнее. Пройти его челноком, запомнить все проходные дворы и сквозные подъезды, дорожные знаки и удобные парковки, маршруты отходов, точки отрыва от хвоста пешего и автомобильного, словом, не упустить ничего, что может потом пригодиться.

Впрочем, из этого отнюдь не следовало, что я действительно получу задание. В прошлом году я на совесть проработал семь больших кварталов, докладывал о готовности, но никаких распоряжений не получал. Может быть, Командор просто держит меня в тонусе, а может, шесть из семи проработок предпринимались на всякий случай или для отвода глаз, чтобы я не строил преждевременных догадок, поди знай. А я, признаться, подолгу гадал, на что именно меня нацеливают, хотя мне противопоказано быть излишне любопытным или не в меру сообразительным. Колеса и шныряя по очередному квадрату, я чувал, что для Командора интерес представляет не кафе "Дома", а Верховный Совет, что штаб-квартире Народного фронта надо уделить больше внимания, чем зоомагазину, наконец, гостиница для приезжих бонз предпочтительнее кожевдиспансера. Ну, а в восьмом квадрате

Командор вряд ли имел в виду кафе “До-ре-ми” или мореходное училище. Там есть два дома для городской элиты, не говоря уже о здании ЦК в парке напротив. Я изучил цепь проходных дворов от Свердлова до Купала и остался ею доволен. Прорабатывать кварталы старой застройки всегда полезно и приятно, там чуть ли не каждый дом наособицу и со своим секретом.

Несколько раз я выходил на Рупниецибас и видел в начале улицы, на расстоянии прицельного огня, стеклянные двери ЦК и чью-то белую “Волгу” у подъезда. Пассажиры белых “Волг” не могли даже вообразить, что в сотне метров от их сиятельных кабинетов бродит невзрачный человек в забрызганных грязью ботинках, то бишь я, и прорабатывает, прорабатывает, прорабатывает квадрат, а зачем он это делает, ведомо лишь Богу и Командору. Холеные сановники, привыкшие к власти, почету и роскоши, совсем не подозревают, до чего они беззащитны. У этих матерых хозяев жизни есть неведомый, незримый хозяин, который держит их судьбы в кулаке. Они не знают самого главного -- за девятьсот километров отсюда некто позавтракал в уюте и тиши своей подмосковной дачи, принял таблетку, запил боржомом, затем позвонил по межгороду и вскользь назвал две улицы. А чем это может кончиться, попробуйте догадаться.

Но мне догадываться не положено, мое дело зафиксировать две подворотни на Видус, через них можно, срезав угол, выйти на Аусекля; еще сообразить, на что может сгодиться глухой тупичок возле церкви адвентистов; запомнить, куда ведет сквозной подъезд из ампириного дома на Купала, и заприметить на лестничной клетке второго этажа окно, откуда можно спрыгнуть на крышу гаража и перемахнуть через стену в соседний двор.

У каждого жителя есть свой город, составленный из магазинов, маршрута до работы, квартир, где живут приятели, достопримечательностей, ну, и еще незначущих промежутков между всем вышеперечисленным. Для меня же город -- прежде всего восемь квадратов, и в любом из них я могу стать невидимкой, раствориться в каменной изнанке, ищи-свищи, чтобы назавтра объявиться где-нибудь на другом конце страны. Либо в дешевом гостиничном номере, либо под тентом на галечном пляже, либо в дерюжном мешке под слоем свежего бетона. Так-то вот.

Итак, я начал прорабатывать треугольный квартал между Свердлова, Стрелниeku и Медниeku, к которому с северной стороны примыкает стройка. Это хорошо, стройка -- чрезвычайно полезная штука для работы. Там есть еще пэ-образный проход вдоль строительного забора, через дворик с тремя отходами, отличное место для обрывания хвоста. Вообще превосходный квартал, уйма разгороженных заборами дворов, и чуть не каждый подъезд сквозной.

Уже совсем стемнело, я устал и собирался идти к машине, которую поставил напротив штаба погранвойск, под носом у часового, который, таким образом, волей-неволей охранял заодно и мою “Самару”.

Напоследок зашел во двор наискосок от штаба, просторный двор, входы со Стрелниeku через две подворотни, справа бетонный забор, в два счета можно перемахнуть. Я потоптался на посыпанной гравием площадке, где валялись две баскетбольные стойки, привезенные, но еще не врытые и уже начинающие ржаветь. Впереди, меж двух брандмауэров, узкий дворик, отгороженный кирпичной кладкой. Из него, надо думать, сожно выйти на Свердлова. А правее, в углу, перегороженный железной решеткой проход. По обе стороны решетки растут чахлые деревца, когда они зазеленеют, этот симпатичный уголок будет и вовсе незаметен. Я подошел поближе и тут услышал сдавленный женский крик.

До сих пор не пойму, почему я плюнул на все инструкции, ведь мне полагалось сделать налево кругом и немедленно испариться. Однако я с разбегу запрыгнул на решетку, перевалился через нее и оказался в соседнем дворе, том самом, где строительный забор и три отхода, а теперь я зафиксировал четвертый ход, который поначалу прошляпил.

В закоулке слева шла возня, женщину уже завалили и заткнули рот. Их было всего двое, один двухметровый плечистый жбан, второй примерно моего веса.

Я не милиционер и тем более не ангел, но таких штучек не люблю.

Верзилу я уделал с разбегу, ногой в челюсть. Хрустнула кость, и он как стоял на коленях, зажимая женщине рот, так и рухнул. Второй успел вскочить и раскорячился, выставив левую руку, прижав к боку левый кулак. Каратист недоделанный, насмотрелся видиков по рупь пятьдесят. Я сделал ложный замах, крутнулся на пятке и врезал ему каблуком по опорной ноге, прямо в чашечку. Не успел он упасть, как я развернулся в стойку и рубанул его по кадыку.

Каюсь, бил очень жестоко, костоломно. Но мне добавило злости то, что ситуация нештатная и поплатиться за нее я могу покруче этих двоих ублюдков.

Не мешкая, я подхватил женщину под мышки и рывком поставил на пол. Ее била дрожь, спутанные каштановые пряди падали на лицо.

-- Вы в порядке? -- спросил я.

Она кивнула и коротко всхлипнула.

Быстренько я подобрал ее сумочку, вязаную шапку, сунул их женщине в руки и скомадовал:

-- Бегите отсюда! Живо!

Отшатнувшись на шаг, она растерянно воззрилась на меня. Я увидел миловидное округлое лицо, широко распахнутые глаза, размазанную на подбородке помаду.

Заодно заметил, что верзила, переставший вдруг постанывать, заворочался и начал подниматься с земли.

-- Бегите! -- рявкнул я и саданул верзилу ногой по крестцу.

Тот взвыл и скорчился, словно зародыш.

Позади наверху распахнулось окно, и возмущенный женский голос чем-то пригрозил по-латышски. Я разобрал лишь слово "милиция".

Непонятно, на что рассчитывали эти двое в таком месте -- двор сквозной, с двух сторон окна.

Долго не раздумывая, пустился я в отход. Помнится, когда был помоложе, бегал стометровку за одиннадцать с половиной. Теперь форма не та, но попробуйте меня поймать в только что проработанном квартале.

Перевалившись через решетку, я обернулся и увидел, как перепачканная голубая курточка мелькнула на фоне строительного забора и скрылась за углом. Одно за другим распахивались окна во двор, и жильцы возбужденно переговаривались.

Бегом я пересек двор, в подворотне перешел на шаг и, степенно выйдя на Стрелниеку, сел в машину. На всякий случай дал хорошего газку и ушел зигзагом по Гайля-Паэглес-Дзирнаву, свернул на бывшую Горького, ныне Вальдемара, и покатил домой.

Конечно, узнай Командор о моем рыцарском поведении, да еще в намеченном квадрате, мне придется солоно. Но узнать ему, надеюсь, неоткуда.

Увлечшись воспоминаниями, я едва не проскочил правый поворот с Вальдемара на Ханзас. Эта невнимательность уже ни в какие ворота не лезет, хотя два последующих поворота тоже годятся, но этот путь самый удобный. Останавливаюсь

на красный свет и включаю правый поворотник. Я почти приехал, но и довспоминать осталось самую малость.

На другой день после стычки я снова крутился в квадрате, хотя формально, после инцидента, должен был огибать его за версту. Но те двое уже в больнице и выпишутся не скоро, а встречи с особой в голубой куртке я ничуть не опасался, скорее наоборот.

Около часу дня решил малость расслабиться и заглянул в магазинчик на углу Кирова и Паэглес, где есть отдел игрушек. Мне нравится толкаться возле прилавков с игрушками, разглядывать вездеходы, пугачи, пупсов и прочую ерунду. Хотя при нынешнем кризисе любые прилавки скудеют не по дням, а по часам. Я мог бы при случае скупить этот магазинчик на корню, но не для кого, кроме как для себя. Известное дело, если жизнь чего-нибудь недодала, потом уже не наверстаешь. Впрочем, зато я могу совершенно свободно и в любых пределах удовлетворять свою страсть к мороженому. На ученом жаргоне это именуется гиперкомпенсацией.

В кофейном подвальчике на Кирова мороженого не оказалось. По ходу революционных преобразований все меньше радостей остается на долю простого человека, выбор игрушек на глазах уменьшается, пломбир с перебоями. И направился я в кафе "Айнава", что в парке на берегу канала. Сделал небольшой крюк, чтобы зайти в аптеку на пяти углах, где иногда можно купить мяту, девясил и тому подобное. Никаких травок мне не досталось, зато встретил Алину.

Случилось это так -- я вышел из аптеки, не той, что на углу, а второй, рядышком, пересек Кирова и срезал угол, пройдя мимо Доски почета, с которой первосортные люди Октябрьского района строго взирают на рядовых прохожих. И тут увидел ее. В голубой куртке и вязаной шапочке она стояла на остановке по ту сторону бульвара. Наши взгляды встретились, и тут она встrepенулась, радостно замахала рукой, так, словно долго высматривала меня среди прохожих, и вот наконец-то я, долгожданный, явился. А я не придумал ничего лучше, как припустить бегом через проезжую часть.

Слева подъезжал троллейбус, но он резко сбавил ход, минуя развилку контактных проводов. Ну а мимо него, по второму ряду, мчался таксист, и я, как последний дурень, как бегущий за мячом пацаненок, выскочил прямо под колеса "Волги". Думаю, со стороны это выглядело весьма эффектно. В кино такие сцены отрабатывают неделями, а тут вышло словно бы само собой. Слева на меня несется автомобиль, сверкая ощеренной никелированной пастью. А я совершенно рефлекторно делаю, как учили -- учили ведь меня всесторонне и на совесть, -- прыгаю с пируэтом, нечто вроде фосбюри-флопа, грохаюсь задом на капот, съезжаю к ветровому стеклу, кувыркаюсь наискосок через плечо, благополучно перекатываюсь через мчащуюся "Волгу" и мягко приземляюсь на ноги. Вообще-то не самое заковыристое из того, чему я обучен.

Прохожие ахнули. Истошно взвизгнули тормоза такси, шофер распахнул дверцу, высунулся, гаркнул мне вдогонку: "Мудак, блядь!!" -- зло хлопнул дверцей и умчался. Я добежал до тротуара, благо справа никакой транспорт не ехал, встал перед Алиной, как конь перед травой, даже не запыхавшись.

-- Здравствуйте, -- учтиво улыбнувшись, молвил я.

-- О господи, -- вместо приветствия сказала она. -- Вы всегда так улицу переходите -- кувырком?

-- Да нет, как когда...

Тут я почувствовал, что мои надпочечники запоздало выбросили в кровь уйму адреналина. Ощущение паршивое, но я не подавал вида. Стоял столбом и смотрел в ее глаза, лучистые такие, доверчивые и восхищенные, зеленые колдовские глаза.

-- Если бы вас сбило, -- сказала она, -- я никогда в жизни себе не простила...

-- Давайте отойдем немного, -- попросил я. -- Не люблю, когда посторонние пялятся. Торчавшие поблизости на остановке люди глазели на меня, словно я был как минимум сбежавшим из цирка верблюдом.

Она согласилась, и мы направились в парк, холодно чернеющий, мокрый, почти совсем безлюдный.

-- Может, зайдём в "Айнаву"? -- предложил я. -- А то я как раз шел туда.

-- Но если там у вас назначена встреча, я могу помешать, -- предположила она.

-- Вовсе нет, какая там встреча, -- энергично заверил я. -- Просто мороженого захотелось.

Алина заливисто расхохоталась, да так, что остановилась посередине дорожки и не могла шагу ступить.

-- Что с вами? -- искренне удивился я.

-- Нет, не могу... -- сквозь смех отрывисто проговаривала она. -- Это потрясающе...

вы -- и мороженое... просто вот шел... мороженым полакомиться... перепрыгнул через такси... вы только не обижайтесь...

-- А я не обижаюсь. Вы правы, и впрямь забавно.

Отсмеявшись, она отогнула рукав и взглянула на часики, простенькие никелированные, отечественного производства. Помнится, я еще подумал, что если женщина вечером отчищает своб куртку, чтобы наутро просушить ее, то ли феном, то ли утюгом и снова надеть, гардероб у нее скорей всего небогат.

-- Вы куда-то спешите? -- спросил я.

-- Пожалуй, полчаса у меня есть, -- поразмыслив, сказала она.

Эти полчаса растянулись до следующего утра.

То было в начале января, с тех пор прошел месяц странной, бесснежной и дождливой рижской зимы. Блаженный, удивительный месяц, украденный у этого сволочного мира. Что ж, не украдешь -- не проживешь, недаром говорится.

Я не имел никакого права ни приходить к ней на выручку, ни проявлять свой рукопашный почерк без крайней необходимости, ни узнавать ее на следующий день. Я не смел давать ей свой телефон, поддерживать отношения, хоть что-либо рассказывать о себе. Вот и сейчас, припарковывая машину возле ее дома на улочке Гану, в двухстах метрах от того самого двора, где вырубил двоих, я допускаю грубейшее нарушение дисциплины. И если это дойдет до Командора, а он вездесущ и всеведущ, не сносить мне головы.